

MASS RESISTANCE PEASANTS AGAINST FORCED COLLECTIVIZATION IN 1930-1932 YEARS IN UZBEKISTAN

Rasulov B. (Republic of Uzbekistan)

МАССОВОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ ДЕХКАН ПРОТИВ НАСИЛЬСТВЕННОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ В 1930-1932 ГОДАХ В УЗБЕКИСТАНЕ

Расулов Б. М. (Республика Узбекистан)

Расулов Бахтиёр Махмуджонович / Bakhtiyor Rasulov – кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории Узбекистана,

Андижанский государственный университет, г.Андижан, Республика Узбекистан

Abstract: *the article is devoted to the issues of mass resistance against the Uzbek farmers complete collectivization villages of Uzbekistan in the early 30s of the twentieth century. It contains passive and active forms of speech and the mass movement of farmers against the policy of solid collectivization. The analysis that the participants of mass resistance increases due to people affected by the policy of collective farms as well as by farmers, who were humiliated representatives of the Soviet government for religious and spiritual reasons. The scope and magnitude of the resistance of farmers have been disclosed on the basis of archival documents and materials.*

Аннотация: *статья посвящена вопросам массового сопротивления узбекских дехкан против сплошной коллективизации в кишлаках Узбекистана в начале 30^х годов XX века. Указаны пассивные и активные формы выступления и массовые движения дехкан против политики сплошной коллективизации. Сделан анализ, что участники массовых сопротивлений увеличивались за счет людей, пострадавших политикой колхозного строительства а также за счет дехкан, которые были унижены представителями советской власти по религиозным и духовным мотивам. Размах и масштабы сопротивления дехкан были раскрыты на основе архивных документов и материалов.*

Keywords: *collectivization, dispossession of kulaks, farmers, anti-kolkhoz movement, the OGPU, the Soviet regime, slaughter, and political terror.*

Ключевые слова: *коллективизация, раскулачивание, дехкан, анти-колхозное движение, ОГПУ, Советский власть, забой скота, политический террор.*

Изучение архивных документов и сборников документов свидетельствуют, что в начале 1930 года в узбекских кишлаках сложилась очень сложная и противоречивая ситуация, связанная с аграрной политикой советской власти. В совершенно секретных информационных сводках Объединённом государственном политическом управлении при СНК СССР (ОГПУ), срочных телеграммах местных партийных и советских органов имеются факты, что массовый протест дехкан направлен не только против насильственной коллективизации, но также и против советской власти. Опираясь на эти факты можно сделать выводы о том, что сопротивление дехкан против политики большевиков в узбекском кишлаке имело активные и пассивные формы.

Одним из первых свидетельств о несогласии дехкан с политикой коллективизации местных советских органов являются их массовые обращения и жалобы в центральные и республиканские органы власти.

Так, с осени 1929 года до весны 1930 года на имя И. В. Сталина поступили более 50 тысяч писем и жалоб. В адрес Всесоюзного Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) и Президиума ЦИК и лично его председателю М. И. Калинину были отправлены почти 85 тысяч жалоб [3. С. 83].

На имя руководителей Узбекистана Председателя ЦИК советов Уз ССР Юлдаша Ахунбабаева, председателя СНК республики Ф. Ходжаева, а также секретаря ЦК КП Узбекистана А. Икрамова поступали жалобы и письма многочисленных дехкан. 22 февраля 1930 года Ф. Ходжаев встретился с жителями села Пап Чуст-Папского района и принял их жалобы, в которых было указано, что «им не нежны колхозы». После его обещания, что он примет соответствующие меры после изучения их жалоб, дехкане разошлись по своим домам [6. С. 181].

В марте 1930 года Кашкадарьинском, Бешкентском и Касанском районах усилились антиколхозные настроения среди дехкан и многие из них в форме коллективных заявлений выразили свое желание выйти из колхоза. Из таких заявлений 272 были зарегистрированы местными советскими органами [6. С. 139].

С первых же дней после начала массовой коллективизации в хозяйствах республики наблюдается резкое уменьшение поголовья скота. Продажа и забой скота приобрели массовый характер в хозяйствах значительной части дехкан, которых заставили вступить в колхозы. Это было формой пассивного протеста против политики коллективизации.

Чтобы предотвратить это явление, советской правительством предоставило право местными партийными советским и исполнительным органам лишить пользоваться землей, конфисковать имущество и скот кулаков и дехкан, которые занимаются умышленным забоем своего скота, а также привлечь их к уголовной ответственности. Также им были приняты ряд мер по ограничению и запрещению забоя скота.

Однако эти меры не дали ожидаемых результатов, наоборот, среди населения усилились забой и продажа скота, а часть дехкан уводили свой скот в горные и степные районы. Как свидетельствуют данные ОГПУ,

дехкане, прежде чем вступить в колхозы продавали свой скот, оставляя только коров, так как разрешалось оставлять их в личных хозяйствах [7. С. 764].

Дехкане в массовом порядке оставляли кишлаки и уезжали в города, а какая та часть эмигрировали в заграницу. И это было другой формой резкого протеста дехкан Узбекистана. Те, которые не приняли колхозный строй, опасаясь, что они будут «втянуты в кулаки», распродала или раздавали все свое имущество своим родственникам и оставляли кишлаки. В 1930 году по всему СССР 200-250 тысяч крестьян распродали или раздали все свое имущество и уехали в города и промышленные центры [2. С. 1128]. В узбекских кишлаках также можно было увидеть похожую картину, и такая форма протеста приобретала массовый характер. Однако в отличие от центральных районов Союза, дехкане, распродав свое имущества и драгоценности, убегали в другие районы или эмигрировали в заграницу, в частности в Афганистан и Китай.

ОГПУ в своих сводках за первую четверть 1930 года предупреждало, что в феврале Бойсунском и Паттакесарском районах Сурхандарьинского округа наблюдается массовая распродажа скота и попытка эмигрировать в Афганистан [6. С. 78]. В этом же месяце было зафиксировано, что 10 дехканских хозяйств района Янги Бухоро убежали в другие города. В Мархаматском районе Андижанского округа с 20 по 24 февраля 37 хозяйств оставили свои дома.

Наиболее активной и распространенной формой протеста против коллективизации было открытое выступление населения против этой политики. Сопротивляться против организации собраний за организацию колхозов, мешать работе таких собраний были распространенными формами антиколхозного протеста.

Так, 19 и 21 февраля в кишлаке Рабод Байсунского района состоялись два общих собрания дехкан. На первом собрании приняли участие - 60, а на другом - 80 дехкан. По решению этих собраний председатель колхоза и председатель совета кишлака были сняты с должности, а на их места были избраны другие. 22 февраля, чтобы утвердить решения собраний, 8 человек были делегированы в Райисполком, и они от имени 200 членов колхоза сообщили, что если решения собраний не будут утверждены райисполкомом, тогда жители не будут сеять, и уйдут из кишлака. Председатель ОГПУ района назвал новых избранных председателей «прислужниками кулаков» и арестовал организаторов антиколхозного собрания, а потом в спешном порядке начал следственные действия против них [6. С. 98-99].

Массовые выступления дехкан 1930 года отличаются от антисоветских выступлений других этапов тем, что они были направлены в первую очередь против колхозного движения. Антиколхозное движение этого периода проявилось заметнее, чем это наблюдается в предыдущие годы.

В феврале 1930 года массовые выступления дехкан Узбекистана охватили Хорезмский, Ферганский, Сурхандарьинский и Кашкадарьинский округа. Так, политическая ситуация в Ферганском округе резко обострилась, потому что массовые выступления дехкан приобрели опасность превратиться в вооруженное восстание. Территориальный охват массовых выступлений стал разрастаться и возникла очень тревожная политическая ситуация для советской власти. В результате партийные и советские органы Узбекской ССР, сотрудники правоохранительных органов во главе с секретарем ЦК КП (б) Узбекистана Лепа, председателем СНК республики Ф. Ходжаевым, председателем УзГПУ Перконом срочно прибили в Фергану и был вынуждены принять срочные меры, вплоть до привлечения на помощь вооруженных сил ОГПУ, чтобы смягчить ситуацию [6. С. 76-77].

Крупное антиколхозное выступление произошло в кишлаке Мозор Чуст-Папского района. Председатель райисполкома приехал в кишлак с 4 милиционерами и провел собрание по созданию колхоза. На собрании люди проголосовали против организации колхоза, и председатель райисполкома недовольный результатом голосования, приказал арестовать двух человек – уважаемых шейхов кишлака, которые публично выступили против колхозного строя. И это стало толчком для перерастания открытого выступления дехкан в массовое политическое движение, так как население кишлака, терпевшее ограничения, оскорбления и административное насилие, не стало мириться с арестом двух почитаемых шейхов. Дехкане решили идти в Коканд со своими заявлениями. На дороге к ним присоединилось население Нижнего и Верхнего Чодака, Ханабата, Тепакурган, Ахчи и Гурумсарая и общее число недовольных достигло до 3 500 человек. 21 февраля с протестующими дехканами встретились Ф. Ходжаев и Лепа, и они приняли заявления дехкан, в которых были требования открыть старые (религиозные) школы, разрешить бракосочетание по законам шариата и свободную торговлю, не облагать торговцев налогом, организовать колхозы на принципах добровольности и т.д. и дали объяснения по всем этим вопросам. В сводках ОГПУ особо указывается большая роль Ф. Ходжаева в смягчении ситуации и предотвращении неминуемого столкновения [6. С. 84-86].

В феврале 1930 года в целом по Узбекистану было 25 массовых выступлений, в которых участвовало 24370 человек, а в марте же число выступлений достигло до 82 и в них приняли участие 39590 человек. Самые массовые выступления (36) произошли в Андижанском округе. В Фергане 16 840 человек приняли участие в 31 массовых выступлениях. В течение 3-х месяцев 37 человек погибли в результате применения антитеррористической меры [5. С. 1336].

В результате массовых выступлений распались не только новые колхозы, но также и те, которые были созданы раньше. Например, один из таких образцовых колхозов «Тоймас», который выполнил контрактацию по хлопку на 107%, также распался. Баи пригрозили убить председателя и членов правления колхоза, а также потребовали вернуть все бывшие вакуфные земли мечетям [6. С. 105-106].

Антиколхозные выступления населения охватили также и Ташкентский округ. Подобные выступления происходили в кишлаках как Эркин, Чала, Калинин, Истартол, которые находились вокруг Ташкента и в каждом из них участвовали от 150 до 500 дехкан. В Чала люди избили активистов кишлака и милиционера. В кишлаке Кунчи Янгиюльского района был избит председатель кишлачного совета [6. С. 194].

В целом в Узбекистане в 1931 году массовые антиколхозные выступления дехкан продолжались с новой силой. По данным ОГПУ в течение этого года произошли всего 164 массовых выступлений дехкан, в которых приняли участие 13980 человек [1. Л. 118].

Анализ событий 1932 года показывает, что характерная особенность этого периода заключается в уменьшении количества массовых антисоветских выступлений и усилении политического террора. В указанном году, чем в предыдущие 1930-1931 годы, резко уменьшились выступления дехкан. А в 1933 году после насильственного установления колхозного строя в кишлаках Узбекистане не наблюдаются антисоветские выступления. Только рос политический террор, и его количество составило 76. Динамику этого процесса можно проследить на примере следующей таблицы [1. Л. 120]:

Таблица 1. Динамика массовых выступлений против коллективизации в 1930-м году в Узбекистане

№	Формы массовые выступлений	1930 год	1931 год	1932 год	1933 год
1	Количество массовых выступлений	235	164	10	–
	Количество участников	77200	13908	1085	–
2	Количество политического террора	333	391	133	76
	Из них убийство	157	242	119	–

Политический террор был направлен против сотрудников нижнего советского аппарата, колхозников, активистов колхоза. В целом по Средней Азии 12 процентов (36 человек) террористических актов были осуществлены по отношению к сотрудникам нижнего советского аппарата, а по отношению к колхозникам и активистам колхоза они составили 15 процентов (45 человек) и 70 процентов (210 человек) соответственно [2].

В результате насильственных действий советской власти в процессе коллективизации на территории Узбекистана, особенно в пограничных районах (Сурхандарьинский округ) политическая ситуация резко обострилась. В Ферганской долине, а также в Хорезмском оазисе, где произошло много карательных акций со стороны советского режима, снова возобновилось вооруженное сопротивление. Особенность этого феномена заключалась в том, что вооруженные отряды и группы увеличивались за счет людей, пострадавших политикой колхозного строительства, непомерного налогообложения, завышенных планов по заготовке зерна, а также за счет дехкан, которые были унижены представителями советской власти по религиозным и духовным мотивам.

По сводкам ОГПУ от 1 апреля 1930 года 20-30 марта этого года в Средней Азии происходит заметная активизация движения вооруженных выступлений. В кишлаке Облик, находившийся в 70 км от Ташкента, члены вооруженного отряда количеством 200 человек во главе с председателем колхоза и члена партии Усмана Кудратова, положили конец насилию и самовольству сотрудников партийного и советского аппарата кишлака и ушли в горы, оказав яростное сопротивление отрядам ОГПУ [4. С. 279].

Вооруженное движение во главе Носирхонтура Камолхонтураева, охватившее территории Намангана, Янгикургона, Касанся представляло большую угрозу для советской власти. Его отряд состоял из различных слоев общества: мусульманское духовенство - 33 человека, баи и торговцы – 15 человек, кустари, середняки и неимущие дехкане – 35 человек. В составе отряда даже был один белогвардейский офицер [1. Л. 5].

По сведениям ОГПУ в вооруженном движении, протестных выступлениях против советской власти и антисоветской агитации, которые происходили в Узбекистане в 1930 году, исламский фактор имел большое значение.

В 1931 году, с началом весенних работ и прибытием Ибрагим бека в Таджикистан, в кишлаках наблюдается усиление вооруженного сопротивления. Если в 1930 году число вооруженных отрядов было 16, то в следующем году они достигли до 46, а члены этих отрядов увеличились до 537 человек. Эти отряды в Ферганской долине (Маргилан, Кува) организовывали широкомасштабные вооруженные нападения на различные объекты советской власти. Они готовились организовать массовое восстание против советской власти во время сбора урожая в Зеравшанском оазисе (Джизак, Кашкадарья, Сурхандарья) и направили своих представителей к Ибрагимбеку, чтобы присоединиться к нему [1. Л. 5]. А в последующие годы движение пошло на убыль, и по сведениям официальных данных в 1933-1935 годы оно прекратило свое существование.

Таким образом, в кишлаках Узбекистана, как было указано выше, протестные выступления и массовые движения дехкан против политики сплошной коллективизации и других аграрных мер большевиков, основанные на насилии и администрировании, имели пассивные и активные формы.

Советский режим выбрал не экономический, а насильственный метод подавления протестного выступления дехкан. Поэтому, такая политика большевиков породила массовые репрессии, которые сопровождалась арестами, ссылками и расстрелом участников антиколхозного движения.

Литература

1. Архив Аппарата Президента Республики Узбекистан (ААП РУз). Ф. 58. Оп. 10. Д. 48. Л. 118.
2. *Виола Л.* Крестьянский бунт в эпоху Сталина. Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М.: РОССПЭН, 2010. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://krotov.info/libr_min/03_v/il/a_1.htm/ (Дата обращения: 28.12.2016).
3. *Ивницкий Н. А.* Коллективизация и раскулачивание. М., 1994.
4. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Документы и материалы. Т. 3. Кн. 1. М. РОССПЭН, 2003.
5. Совершенно секретно: Лубянка-Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.). В 11 томах. Сборник и документов. Т. 8. Часть 2. М., 2008.
6. Трагедия среднеазиатского кишлака: коллективизация, раскулачивание, ссылка. 1929-1955 гг. Документы и материалы. Т. I-III. Сост.: Р. Шамсутдинов, Б. Расулов; Под ред. Д. А. Алимовой. Т. I. Т.: Шарк, 2006.
7. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы. В 5-ти томах / Т. 2. Ноябрь 1929 - декабрь 1930. М.: РОССПЭН, 2000.